

Бабье лето

Это время у нас называют бабьим.
Бабы — они как глина, под стать природе,
Мягкие, как земля, и ни дать, ни взять, им
Вовсе не хочется думать о недороде.
Им бы в тепло, им бы видеть на небе звезды,
Хороводы водить и водить мужиков кругами,
И круги на воде, и вода на стекле, и вёсны
Налегают на весла, хороня золу с очагами.

Каменя в степях, становясь тяжелы, как глыбы,
Ожидая, пока дождем не вобьет по шею...
Вы смогли бы так же, скажите,
Вы бы —
Острием иглы отчаянно рыть траншею,
Несуразность поз прикрывать одеждой,
Соловеть от грез, прикрывая веки,
Застывать в мороз, называясь снежной,
Убегать ручьями в моря и реки?

Острием, отчаянно, оголтело...
Распороть бы небо да сшить бы платье.
Улетело облако, улетело,
Не поймать мне белое, не поймать мне.

Матерчатый

Матушкин, матушкин, матерчатый,
Цветастый, копеечный,
Благоухающий
Вяжущим млечным соком.
Оком недремлющим сдобренный,
Оком строгим и плачущим,
Оком свет источающим,
Всевидящим, всепрощающим...

О, память, временем смятая,
В матовый шарик скатанная!
Где-то в темном кармашке, на доньшке,
Вместе со стеклышком, зернышком, камушком,
Серым катышком.

Пляшут Матрешки,
(Рюшки, гармошки),
Хлеб — крошки,
Хлеб — крошки.

В каждом матовом шарике
Прячется маленький мальчик,
Красным сердцем рисующий солнце:
— Мама, это — тебе!

Невозвратное

Я налью тебе водки, чтобы лицом к лицу.
Не увидав лица, плату отдать гребцу;
Благо, недорого, то, что под языком,
Очень скоро становится крошечной «точкой ком».
Нет, не грусти, не плачь, не забывай заводить часы,
Не говори: «Ей бы понравилось». — Это хуже любой слезы,
Берегись вакханок, воронок... Ну что там еще? — Засад.
И, уж конечно, не стоит с надеждой смотреть назад.

Если у каждого камня своя судьба,
То у людей тем более. Скорлупа
Хрустнет однажды жалобно под пятой...
Лучше уж так — красивой и молодой.

Мой настоящий. Прости. Пусть все порастет бильем,
Травой-муравой, бересклетом, багульником, ковылем...

Все быстротечно, а стало быть, невозвратно,
Невероятно легко забывается путь обратно.

Обыденное

Неделя выдалась ленивой и скупой,
Протяжной, словно песнь болотной птицы;
Часы тик-такали, скрипели половицы,
Стучали клавиши... «Ну, шевелись, тупой!»

На паутинках узелков не счесть —
Модельки новостных чересполосиц.

А паучка назвали сенокосец,
За что такое прозвище? Бог весть.

Вода из крана капала в стакан,
Бубнил тихонько пресловутый ящик...
Пусть растворимый, пусть ненастоящий,
Но все же что-то...
В Чили ураган...

Последние сто жизней мне везло.
Жужжала муха, билась о стекло,
Перегорела лампочка в подъезде...

Опять всю жизнь мы прожили не вместе.

Хрупкое озеро

Хрупкое озеро. Если идти по льду
Можно (хруп-хруп) варьировать на ходу.
Красота ситуации, солнца, открытого дня (хруп-хруп),
Не позволяет (хруп-хруп) расслабиться (хруп-хруп-хруп).

Шаг — это повесть. Белая повесть зим,
Лиц мерцающих, лиц, превращенных в дым,
Лиц целительных, царственных, целостных взглядов лиц,
Ну и, естественно, бурых, тяжелых, каменных, без глазниц.

Хруп!
Лепота! Маловерие не к добру.
Надо бы... Что-то бы... Как-то бы...
У-ру-ру!
Есть кто-нибудь,
Живой, заводной, хмельной?

Нет никого на белом холсте зимой.
Нет ничего на белом холсте зимой.
Нет никогда на белом холсте зимой.

Поднимаю веки

Кончились праздники. Я поднимаю веки.
Я — человек. Я — женщина. Все на месте.
Я — в Воронеже. Я — в двадцать первом веке.
За окном — зима. Нам хорошо. Мы вместе.

Нашу кошку зовут Соня. Мне — сорок пять, брюнетка...
Ты прости меня. (Это на всякий случай.)

Телефон, часы... Плюс: голова — таблетка,
Сигареты — пачка, конфеты — кучка.

Ничего не меняется. Я — в двадцать первом веке,
Я — в Воронеже. За окном зима. Вместе.
Я — брюнетка, работаю в библиотеке.
Кошка, часы, телефон на месте.

Я — человек, я — женщина, мне — сорок пять. (Ужас!)
У меня есть то, что уже не вспомнишь,
Я — брюнетка. Пишу. За окном — лужи
Вместо снега.
Весь мир — Воронеж.

Голова на месте. Часы. Телефон на месте.
Кошка спит, ты спишь, только мне не спится.
Праздники кончились. Нам хорошо. Мы вместе...

...Я — жива. Мне — две тысячи лет... Я — птица....

Врачбог

Время изношенных рук и изогнутых спин...
А. Ряскин

На изношенных сердцах — по рубцу;
И мозоли, и мозги — все не в счет.
Буйну голову сложить молодцу,
А повинную — и меч не сечет.

Пить за здоровье сплошной витамин
Не грешно ли? Да повадки не те;
За изогнутыми спинами — сплин,
За горбатыми — по гроб в хомуте.

Костылями обнуляя итог,
Я сумею перемножить нули.
Исцели меня, великий Врачбог,
Навсегда меня, навек исцели.

Из палаты и в палату не раз,
Не болит — уже и то благодать.
Дай нам всем... А ведь и всем-то не даст...
Все одно тебе, Врачбог — исполать!

Эпистолярное

А может, и правда, разбиться,
Как лодка о кафельный быт?..
Любовь ничего не боится —
Кастрюли, блины, профицит.
Такое нелегкое дело —
«Белить своего потолка»,
До блеска, до писка, до мела,
Как пальцем крутить у виска.
Проснуться? Вернуться? О, Боже!
Куда там! Зови — не зови!
Что пишут? Все то же, все то же —
О чистой и верной любви,
О мире, что вечно распорот,
А лучше бы, больше о нем —
О «вороне-ежике» — город,
Где есть такой «улицадом»...

У осени шапочка лисья,
А время идет и идет
И скоро осыплются листья,
А там и опять Новый год...
Здесь рощи, и кущи, и тыщи,
И вещи, и мороси, и...
Здесь белый брутальный котище
Обходит владенья свои,
По-прежнему машут и пляшут,
По-прежнему сеют и жнут,
А те, кто и нашим, и вашим,
По-прежнему ждут и не ждут.
Здесь линии ливней и будней,
Асфальтовый «шиношуршат»,
И как-то не стало безлюдней —
Все так же визжат, дребезжат..
Не то, чтобы четко и внятно,
Но вроде никто не забыт..
Письмо? Пустячок, но приятно,
А город поймет и простит.

Гобеленовый

Гобелен с оленями — дань эстетике,
Кукушонок — пыльному времени,
Облачно и солнечно. Арифметика,
Табурет, тетрадка, газетка с Лениным...

Ничего не меняется, кроме зеркала,
Посмотрел в него — увидел несчастного.
Это надо же — насквозь исковеркало,
И всю жизнь вот так — от общего к частному.

Он негнушийся. Теперь он поленовый,
А когда-то, верно, был гуттаперчевым
И доверчивым... Боже, каким доверчивым!
Вот совсем, как тот олень гобеленовый.

Тишина придет тонуть в этом омуте,
И углы не воспрепятствуют этому;
Кукушонок выглянет — пусто в комнате —
Песню петь свою извечную некому.

Белый и вольный

Белый и вольный. Облако? Молоко?
Яблоку больно — в зону асфальта ликом.

Лихом
Не поминай.
Смехом, снегом,
Берегом, бегом, криком:
«Эгей!...»

Мигом
Была я,
Бликом,
Всполохом, вздохом...
Кто там? Что там?
Облако? Молоко?
Виски с соком.

В зимнем городе

В зимнем городе снег
Разделил нас на черных и белых,
На пушистых и голых,
Немых и восторженно-смелых,
На гриппозно-морозных,
На лыжно-коньковых и квелых,
Спиртуозно-веселых
И так — беспричинно-веселых,
Беззаботно-скользящих,
Смеющихся, плачущих, спящих,

Барабанно-стучащих,
Хрустящих,
Зубами скрипящих,
Тех, кто падает,
Мерзнет,
Взлетает и вьется,
И бьется...
«Огонька не найдется?»
Конечно, найдется. Найдется.

Злой язык

Но у искусства злой язык — шершавый,
Раздвоенный, бессовестный, больной...
Прямая речь не может быть прямой —
Извилисты пути такой забавы,
А отступать и поздно, и нельзя...
Такая уж коварная стезя.

Се — Имярек. Он горд и счастлив тем,
Что одержим горючим и пьянящим.
Он прошлым, будущим и настоящим
Шуршит. Тасует множество морфем,
Сдает и... Просыпается.
Зачем?

Как утверждают, человек — письмо.
Я не согласна — хуже. По привычке
Я смахиваю пыль: бюро, трюмо...
«Из всех искусств нам, — что-то там, — кино», —
Мы произносим. И берем в кавычки.
(Не слишком дорого, достаточно темно.)

О вдохновение! О мука! О тоска!
О небо! О дурная бесконечность!
О эта левая нога! О эта правая нога!
О неизбежность!
О беспечность!

Мадам Бижу

...Что мы такое?
То-то и оно.
Обидно, а когда-то так мечталось...
Еще чуть-чуть! И ах, какая жалость,
Что впереди досадно и темно,
И позади ни капли не осталось.

Лишь был бы хлеб да теплое жилье...

Ни слова больше!

...Точка, точка, точка...

И я — не я — всего лишь оболочка,

И ты — воображение мое.

Ланфрен — ланфра... березовые почки,

Безденежье, бронхит и камень в почке...

Ни слова больше! Ты заткнешься, мать?!

Что мы такое?

Господи, опять!..

Светает. У соседей конский топ

И запах браги.

«Мишенька простужен!»

«А что, на завтрак то же, что на ужин?»

«Не ресторан!»

«Смотри, Маринка, — клоп!»

Прошло полжизни...

«Мойся, остолоп!»

...Прошло полжизни, словно утекло,

Потом еще чуть-чуть, еще немного,

Контентом обросла моя берлога,

Что мы такое, как не барахло?

Обыденность, обыденность, топ шер,

Клубки и кошки, вилки и кастрюли...

Опять же, звон посуды, например.

Зачем нам этот мир, не потому ли,

Что легче отпереться, чем признать? —

Раскаянье виновно, так сказать.

Что мы такое? Grande illusion?

Зерно абсурда, снегопад в июле?

За окнами светло,

Мне снится сон —

Мадам Бижу, сидящая на стуле.

